ПОЭЗИЯ И ОБРЯДОВЫЕ ФОРМЫ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 393
ББК 82

Поминальные духовные стихи Костромского Заволжья: локальные варианты традиции

Юлия Михайловна Кувшинская

(Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20)

Аннотация. *Статья посвящена поминальным духовным стихам Костромского Заволжья, обширный репертуар которых был выявлен в ходе фольклорных экспедиций НИУ ВШЭ в Мантуровский, Макарьевский и Кадыйский районы Костромской области в 2021–2025 гг. Материалом исследования стали свидетельства информантов, видео- и аудиозаписи исполнения стихов и данные бытующих здесь рукописных религиозных сборников. В работе анализируется репертуар и современная практика исполнения духовных стихов в ходе похоронно-поминального обряда в Костромском Заволжье в сравнении с традициями соседних регионов, прежде всего Нижегородской, Владимирской, Саратовской, Вологодской областей, а также Южного Урала, Коми-Пермяцкого округа, Сибири и других регионов. Основой анализа стали обсуждаемые в работе критерии систематизации поминальных стихов, такие как место и функции стиха в обряде, языковые свойства текстов, обеспечивающие выполнение обрядовых функций. Эти признаки, а также выявленное в ходе сравнительно-типологического анализа сходство поминальных духовных стихов с другими обрядовыми песнями позволяют выделить типы поминальных духовных стихов: обязательные (собственно обрядовые) поминальные стихи, стихи-молитвы, приуроченные стихи — и охарактеризовать бытование стихов каждого типа в изучаемых районах. Исследуются локальные варианты традиции, выявлены особенности репертуара конкретных сел и Костромского Заволжья в целом, отмечены вероятные причины различий репертуара разных деревень и районов, прослеживаются некоторые пути современной трансформации традиции.*

Ключевые слова: *поминальные духовные стихи, русский похоронно-поминальный обряд, рукописные сборники, Костромское Заволжье, народная религиозность.*

Дата поступления статьи: 14 мая 2026 г.

Дата публикации: 25 сентября 2026 г.

Для цитирования: *Кувшинская Ю. М.* Поминальные духовные стихи Костромского Заволжья: локальные варианты традиции // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 3. С. 105–125.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.3.008

Традиция включения духовных стихов в погребально-поминальную обрядность существует во многих регионах России, хотя не является повсеместной [Фадеева 2004; 2008; Сверлова 2006; Рожкова 2012; Королёва, Тихонова 2024; 2025 и др.].

В Костромском крае духовные стихи, в том числе поминальные, фиксировались неоднократно, однако не были предметом специального изучения. Сведения о них достаточно скудны. Так, в издании «Чухломской фольклор» приводятся три стиха, один из которых является поминальным: «Последний приют» («Вырыта могила в тихой тишине») [Кулагина, Лаврентьева 2012, 182]. Семь стихов[1], включая поминальный «Уж вы братья мои сестры», размещены на сайте [Энциклопедия Костромского фольклора]. Двадцать один стих из рукописных тетрадей Шарьинского района опубликован в сборнике «Ветлужская сторона» [Кулагина, Легенчук 1996, 239–523]; по крайней мере три из них, очевидно, относятся к поминальным, однако детали их использования неизвестны. Бытование поминальных стихов отмечено на сайте [Пыщугский краеведческий музей].

Данная работа посвящена поминальным духовным стихам Костромского Заволжья (Мантуровский, Макарьевский, Кадыйский районы), записанным в ходе фольклорных экспедиций НИУ ВШЭ в Костромскую область 2021–2025 гг. по программе «Открываем Россию заново»[2]. Полевые исследования были нацелены на описание рукописной религиозной традиции и ее контекста, что позволило собрать большой материал по духовным стихам и «народной панихиде»[3].

Мы рассмотрим репертуар, распространение и функции поминальных стихов в костромской традиции.

ДАННЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Устное исполнение духовных стихов в ходе похоронного обряда или в поминальные дни до сих пор принято в деревнях Мантуровского района в окрестностях Угоры: д. Аносово, д. Хлябишино, с. Угоры. В Макарьевском районе традиция бытует в с. Горчуха, а также в с. Юрово и д. Большие Рымы — на границе с Нижегородской областью. В конце XX в. она существовала в с. Нежитино и его окрестностях, в деревнях Николо-Макаровского сельского поселения. Угаснув в настоящее время[4], она еще сохраняется в памяти старшего поколения местных жителей и зафиксирована в рукописных тетрадях.

В Кадыйском районе практика сохраняется в с. Чернышево и д. Паньково и некоторых прилегающих к ним населенных пунктах, но прекратилась в с. Завражье, д. Борисоглебское, с. Столпино, д. Лубяны, хотя и отражена в рукописных сборниках.

Бытование поминальных стихов здесь, как и в других регионах [Данченкова 2003; Рожкова 2012; Левкиевская 2015; 2018; Твердохлеб 2017; Королёва, Тихонова 2024; 2025 и др.], тесно связано с практикой народной панихиды, распространенной в советское время в условиях закрытых храмов, но, вероятно, возникшей ранее [Рожкова 2012, 385] и, возмож-

[1] Опубликованные в дореволюционных и современных изданиях, в том числе в этнографических сборниках Костромского научного общества (подразделения Имп. РГО).

[2] Все материалы хранятся в фольклорном архиве НИУ ВШЭ (ФА НИУ ВШЭ), частично введены в электронную часть архива. Собиратели: М. Бессонова, В. И. Вдовина, А. О. Ермилова, А. А. Заикина, Ю. М. Кувшинская, Б. Э. Кувшинский, У. В. Кунина, Н. В. Крижанивская, У. Д. Лавор, П. С. Макарова, Д. Панева, Е. О. Флейшер, В. А. Харитонова, А. А. Широкова. Тексты, уже введенные в электронный открытый фольклорный архив, снабжены ссылкой в квадратных скобках.

[3] Мы используем этот термин вслед за Е. Е. Левкиевской, предложившей термин «народное отпевание» [Левкиевская 2015].

[4] Одной из причин была позиция священника нежитинского храма Воскресения Христова о. Иоанна Веретяка, который считал причитания и духовные стихи чрезмерно эмоциональным выражением горя.

но, восходящей к практике приглашения священника на домашнюю панихиду и поминальное застолье, которое сопровождалось молитвами и заупокойными стихирами [Смирнов 1920, 40]. В исследуемом регионе поминальные стихи исполняются прежде всего певчими, совершающими панихиду, за столом, чередуются с короткими заупокойными молитвами (последние поются перед трапезой, после того как подадут кисель, и в конце поминок, стихи — за чаем). Порядок заупокойных молитв и стихов отражен в тетрадях жительниц Макарьевского района: Валентины Петровны Виноградовой, 1940 г. р., из с. Юрово; Нины Валентиновны Серединой, 1957 г. р., из д. Большие Рымы; жительниц с. Завражье Кадыйского района Марины Михайловны Кляцкой, 1954 г. р., и Надежды Геннадьевны Кондратьевой, 1956 г. р. Стихи воспринимаются как часть общей молитвы об умершем: хотя местные жители различают стихи и канонические молитвы, но относят все эти тексты к обрядово-сакральной сфере. Не случайно в видеозаписи поминок 40-го дня, сделанной в 2006 г. А. Д. Цветковой в д. Большие Рымы Макарьевского района [Цветкова 2008], исполнив два обязательных поминальных стиха, женщины произносят «Аминь», а хозяйка дома благодарит гостей за молитву — очевидно, имея в виду в том числе и исполнение духовных стихов. Татьяна Алексеевна Флягина, 1963 г. р., из п. Горчуха Макарьевского района сетовала, что исполнение стихов, так же как присутствие священника на поминках и домашняя панихида со священником совершаются все реже, потому что зависят от веры или неверия родственников усопшего.

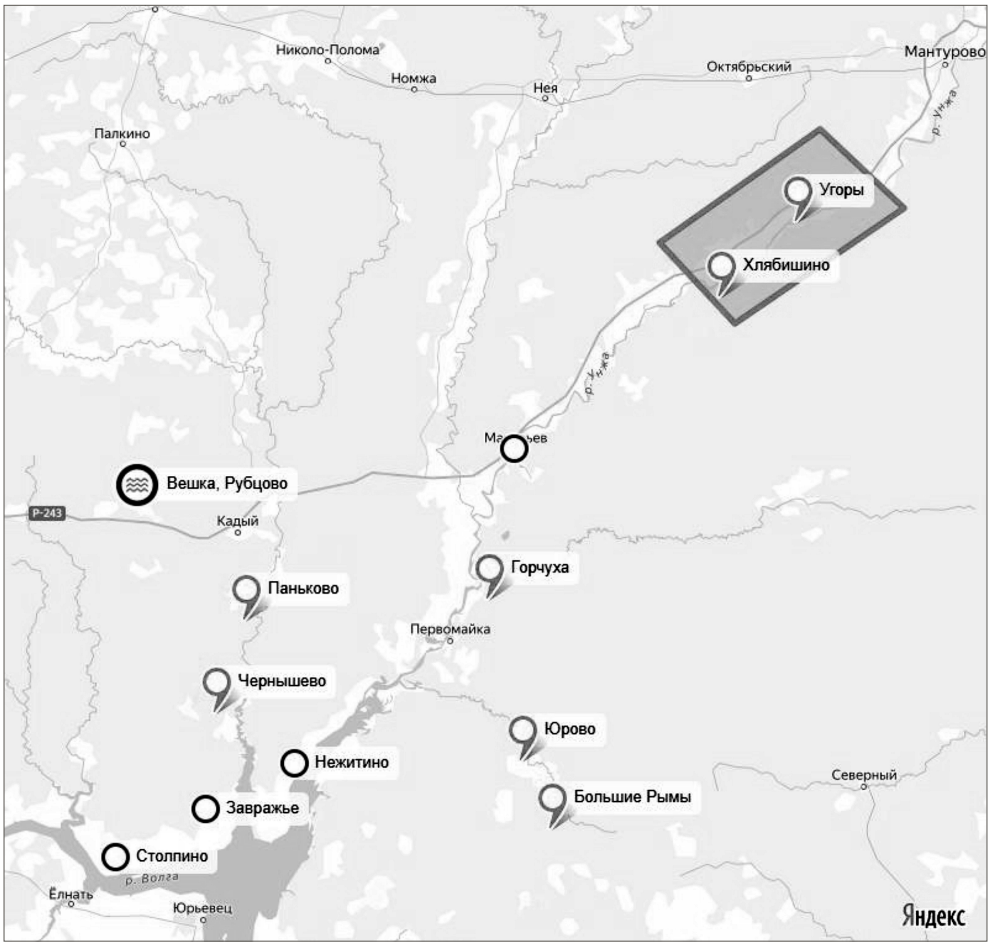
Народная панихида в поминальные дни (9-й, 40-й день, годину) бытует в каждом из трех районов, в названных выше деревнях, так же как и народное отпевание в тех ситуациях, когда священник не может приехать и совершить отпевание умершего. В последнем случае в Макарьевском и Кадыйском районах принято договариваться с кем-нибудь из пожилых верующих женщин о том, чтобы она поехала в храм и заказала заочное отпевание. Эту миссию доверяют лишь тем, кто известен своей религиозностью. Одновременно родные организуют погребение, которое сопровождается домашним отпеванием. Практика известна в с. Чернышево, д. Паньково, существовала в окрестностях с. Нежитино, но в настоящее время стала редкостью.

Устное исполнение поминальных стихов коррелирует также с традицией похоронных причитаний, до недавнего времени активно бытовавшей в этом регионе. Эти два жанра различаются исполнителями, но существуют во взаимодействии. Так, в видеозаписи поминок 40-го дня причитание матери, похоронившей сына, становится ответом на духовный стих *«Здесь духовная беседа пришла душу навестить»* [Цветкова 2008].

В рукописных коллекциях поминальные духовные стихи обнаруживаются во всех обследованных районах и населенных пунктах. Состав сборников не всегда дает возможность понять, исполнялся ли конкретный стих в составе похоронно-поминальных обрядов или был переписан на всякий случай. Стихи, которые известны в районе как поминальные, могут быть записаны в тетради среди стихов совсем другой тематики. В то же время в качестве поминальных нередко бытуют стихи покаянные, эсхатологические, стихи, обращенные к святым, Богородице, которые могут исполняться или прочитываться и в другое время. Поэтому в тех случаях, когда расспросить составительницу сборника невозможно, а стихи вышли из устного бытования, не всегда можно точно установить состав и границы локального поминального репертуара.

В силу этих причин нами были использованы главным образом те рукописные сборники, которые носили очевидно поминальный характер: содержали текст или фрагменты панихиды и далее тексты стихов, включали указания о поминовении — или об исполнении определенных стихов на поминках свидетельствовали информанты.

Карта 1. Бытование народной панихиды и поминальных духовных стихов в Костромском Заволжье

Меткой — *отмечены места современного бытования народной панихиды и поминальных стихов.*

Меткой — *места, где эти традиции угасли недавно, в последние десятилетия.*

Меткой — *места, где народная панихида и поминальные стихи не фиксируются (вероятно, в связи с наличием действующих храмов[5], а в прошлом — монастырей).*

Прямоугольником — *отмечен регион, где не зафиксированы обязательные поминальные стихи.*

[5] Христорождественский собор г. Макарьева и Успенский храм с. Рубцово действовали вплоть до конца 30-х гг. и были снова открыты в 1945 г.

В результате в работе рассматривалось 27 рукописных тетрадей из Мантуровского (4), Макарьевского (8) и Кадыйского (15) районов Костромской области. В исследовании также использовались аудио- и видеозаписи исполнения поминальных духовных стихов вне обряда из каждого района (всего 11 стихов, в том числе [Цветкова 2008]).

Поминальные стихи в регионе в настоящее время, как правило, называют «стихами», однако в с. Нежитино и п. Горчуха в тетрадях встретился термин «канты», «кантики»; такое обозначение, по словам жительниц Макарьевского района Анны Георгиевны Антоновой, 1941 г. р., из с. Нежитино, Т. А. Флягиной из п. Горчуха, использовали их матери. Те, кто не является носителем традиции, говорят о «песенках», «песнях» в похоронно-поминальном обряде, имея в виду стихи.

ТИПЫ ПОМИНАЛЬНЫХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ В ТРАДИЦИИ КОСТРОМСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Духовные стихи отличаются жанровой разнородностью, что дает повод исследователям видеть в них не единый жанр, а жанровый комплекс [Бахтина 1997; Мурашова 2015, 70 и др.]. Поминальные стихи представляют собой функциональную разновидность жанра. В хронологическом отношении стихи костромской традиции относятся к младшим, поздним. При этом в качестве поминальных могут бытовать стихи эпические (стих о великомученице Варваре *(«О святая ты Варвара, ты страдала от отца»)*, стих о Самарянке *(«Под тенью навеса»)* и др.; эпическая основа, несмотря на лирические монологи персонажей в эпизоде прощания, ясно видна и в популярном здесь стихе об Алексее человеке Божием (*«Я родился в городе Риме»)*. Однако значительную часть поминальных стихов составляют лирические, развивающие темы покаяния, кратковременности земной жизни, конца времен, Суда Божиего.

Учитывая разнородность и специфические функции поминальных стихов, наиболее существенными критериями для систематизации поминальных стихов представляются следующие:

1. Место стиха в обряде. В разных локальных традициях стихи могут исполняться во время бдения [Баранова 2018, 316–18; Королёва, Тихонова 2024, 145], над умершим во гробе и при выносе тела [Фадеева 2004, 373; Баранова 2018, 320–323], в конце отпевания или панихиды (в конце) [Рожкова 2012, 385–387; Твердохлеб 2017, 166, 172; Панова, Теплова 2020, 5; Левкиевская 2015]. В Костромском Заволжье стихи преимущественно исполняются в конце трапезы, за чаем или после чая, однако в Кадыйском районе еще сохранилась приуроченность некоторых стихов к центральной части обряда.

2. Степень включенности в обряд. Исходя из этого критерия, исследователи выделяют стихи собственно обрядовые, непременно исполняемые и тесно связанные с происходящим в обряде (например, стих *«За трапезу певчие сели, их Господь благословил»*) или с происходящим с душой и телом усопшего [Сверлова 2006, 11] (например, широко распространенный стих *«На всех солнце светит, на меня уж нет»*). Помимо этого, выделяются приуроченные к погребению стихи на различные темы: покаянные, эсхатологические и др. Е. Л. Сверлова называет эти типы стихов *погребальными* и *приуроченными* к погребению [Сверлова 2006, 11]. С. Ю. Королёва и М. А. Тихонова различают стихи *обязательные* и *факультативные* [Королёва, Тихонова 2024, 148]. Вслед за названными учеными мы будем называть **«обязательными»** стихи, непременно исполняемые в обряде, и **«приуроченными»** стихи, ассоциированные с ситуацией поминовения.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ СТИХИ

Такие стихи в конкретной локальной традиции обязательно поются или прочитываются в ходе погребального обряда, панихиды или на поминальной трапезе. Как правило, они исполняются ранее приуроченных стихов: во время бдения, над

умершим во гробе, в составе отпевания или панихиды.

Эти стихи отличаются тесной связью с конкретной обрядовой ситуацией. Исследователи ритуального языка и ритуальной коммуникации, описывая сложную «диалектику» взаимодействия текста, исполняемого при каждом совершении обряда, и контекста конкретного обряда, указывают на способность ритуального языка к контекстуализации/деконтекстуализации [Keane 2004, 438–439]. Иначе говоря, текст путем изменения языковых параметров, прежде всего с помощью дейксиса и прямой речи, соотносится с конкретной ситуацией и ее участниками (или, наоборот, выводится за рамки конкретной ситуации и приобретает вневременное звучание). Именно контекстуализацию через дейксис и прямую речь умершего мы видим в исполнении обязательных духовных стихов.

Так, в стихах, исполняемых в Макарьевском и Кадыйском районах (как и во многих других традициях) в день погребения, на 9-й и 40-й день, умерший обращается к провожающим, описывая происходящее с ним и происходящее в обряде: «*Для всех солнце светит, для меня уж нет, я лежу во гробе и не вижу свет*», «*Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня, помянули хлебом-солью и молитвою святой и пропели Святы Боже со святыми упокой*»; «*Уж вы братья-мои сестры, помолитесь обо мне, я о вас буду молиться в своей загробной стороне*» и др. Местоимения 1-го и 2-го лица здесь называют конкретных участников данного обряда. Контекстуализацию обеспечивают локативные и темпоральные формы: местоименные наречия (*«Здесь духовная беседа пришла душу навестить»*), предложно-падежные формы со значением места (*«Ой вы братья мои сестры, беседа ваша за столом, а моя душа прегрешна обитает под окном»*), которые здесь обладают конкретной референцией, т. е. соотносятся с конкретными участниками обряда и предметными реалиями. Функцию контекстуализации выполняет и настоящее актуальное время глаголов (*«Все я вижу, все я слышу, как помин идет по мне»* (стих «*Вот спасибо вам, родные*», тетрадь В. П. Виноградовой [ФА НИУ ВШЭ, № 14929, п. 27]). В то же время и формы прошедшего времени в обязательных стихах прочитываются конкретно, в значении перфекта — только что завершившегося действия, определяющего ситуацию настоящего. Так, в стихе, распространенном в Кадыйском районе, слова «*За трапезу певчие сели, их Господь благословил, и тропарь певчие пропели, им Владыка повелел*» соотносятся с происходящим в этот момент в обряде: после молитвы начинается поминальная трапеза[6]. (Об адресности многих поминальных стихов также см.: [Твердохлеб 2017, 175; Королёва, Тихонова 2024, 148]).

Сравнивая со стихами, которые не входят в число обязательных в Костромском Заволжье, но по содержанию могли бы быть такими, обратим внимание, что в них контекстуализация грамматически затруднена. Так, в стихах «*Вот скоро настанет мой праздник, последний и первый мой пир*», «*Скоро, скоро день прискорбный и час смерти подойдет. Скоро ангел мой Господний чашу горьку поднесет и разделит душу с телом и душе он даст приказ*» форма будущего времени и в целом отнесенность описываемых событий к плану будущего препятствует интерпретации текста как описания происходящего в обряде, с умершим здесь и сейчас. В стихе «Соловей» (*«Ты не пой, соловей»*) состояние лирического героя описывается с помощью форм настоящего постоянного (*«Ох, зачем напевать, что стараюсь забыть, я в душе затаил, что нельзя возвратить»*) и будущего времени (*«Прилетай, соловей, скоро кончу я жить»*) (вариант

[6] В Макарьевском и Кадыйском районах во многих деревнях принято организовывать поминальную трапезу для певчих сразу после отпевания, в то время, когда гроб стоит в доме, или сразу после выноса, если они не идут на кладбище, или сразу после панихиды в поминальный день, днем, до прихода родственников, которые будут поминать умершего вечером.

из тетради В. П. Виноградовой [ФА НИУ ВШЭ, № 14929, п. 28]). Тем не менее в других традициях эти стихи могут отчасти соотноситься с происходящим в обряде и исполняться над гробом [Фадеева 2004, 373; Рожкова 2012, 387; Левкиевская 2015, 13] благодаря содержанию — теме, ключевым концептам и мотивам (о семантических механизмах включения текстов в разряд «отпевальных» [Левкиевская 2018, 22–23]) и речи от 1-го лица. Однако основную функцию контекстуализации тут, вероятно, несут другие стихи, исполняемые одновременно с названным: «*Вы теперь меня простите*», «*Все мы, братья, помолимся*» [Рожкова 2012, 387], «*На всех солнце светит*» [Левкиевская 2015, 13]).

Тесно связанные с погребением и поминанием, обязательные стихи, судя по всему, не исполняются вне обряда, в отличие от приуроченных стихов, которые бытуют и вне похоронно-поминальной практики. Так, Т. А. Флягина вспоминала, как они с мамой, глубоко верующей женщиной, любили слушать кассеты с записью современного исполнения стихов, включая «*Вот скоро настанет мой праздник*», а Анна Геннадьевна Кузьмина, 1953 г. р., из д. Борисоглебское Кадыйского района рассказывала, что зачитывала по тетради стих «*Прошу тебя, угодник Божий*» (бытующий в регионе и как приуроченный поминальный) соседкам во время общего чаепития в праздник святителя Николая 22 мая 2024 г.

Обязательные стихи могут подвергаться «паралитургическому освоению»: приобретать «канонический» припев, контаминируясь с каноническими молитвами. Так, стих «На всех солнце светит» в костромской традиции, как и в других регионах, сопровождается припевом «*Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас*»[7]; то же произошло со стихом «*Вот скоро настанет мой праздник*» в южноуральской традиции.

Важное, хотя и не непременное, свойство этих стихов — они поются по большей части от лица умершего, содержат обращение к провожающим, являют собой голос умершего в обряде (ср.: [Байбурин 1993, 117] о роли умершего на поминках). Этот голос «озвучивают» певчие, которые выступают как «аниматоры», согласно классификации ритуальных ролей [Erving Goffman 1981, 144; Keane, 2004, 438], или «спикеры-медиаторы» [Du Bois 1986]. Исследователи ритуального языка выделяют ряд ритуальных ролей, в той или иной мере реализуемых в любых ритуалах, как религиозных, так и светских: доверитель (principal), автор, аниматор, предполагаемый адресат, цель и подслушивающие [Erving Goffman 1981, 144; Keane, 2004, 438]. Аниматоры в религиозных ритуалах воспроизводят речь духа, божества.

Некоторые из названных ролей прослеживаются и в православном похоронно-поминальном обряде, но здесь песнопения от 1-го лица, которые составляют значительную часть текстов отпевания и панихиды, соотносятся не только с конкретным умершим, но с человеком вообще, т. е. отчасти деконтекстуализированы [Keane 2004, 438–439]. Особенно важно то, что в церковном чинопоследовании панихиды человек (умерший и молящиеся) обращается к Богу: «Образ есмь неизреченныя твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений» и др. [Панихиды и отпевания 1997, 9]; провожающие просят Бога об умершем: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего». И только в стихире, факультативно исполняемой во время прощания, мы видим обращение умершего к провожающим: «Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща восплачете обо мне, братие и друзи» [Там же, 27].

В обязательных поминальных стихах умерший обращается именно к провожающим в контексте конкретной обрядовой ситуации и конкретного момента своего

[7] В церковной традиции этим припевом завершается отпевание и панихида, под это песнопение гроб выносят из храма на кладбище. О фольклорном освоении песнопения см.: [Исмагилова 2021, 81–84].

пути (погребения, ожидания Суда Божия на 40 дней и др.), о чем свидетельствуют и информанты: «<Соб.: А вот тут есть такое поминание: “Спасибо вам, родные, помянули вы меня, помянули хлебом-солью, молитвой святой”>. *Это как бы душа просит, за неё читают. Кто-то читает за душу, что вы меня помянули*» (Зап. от Людмилы Анатольевны Туриковой, 1962 г. р., с. Юрово, Макарьевский р-н) [ФА НИУ ВШЭ. ФЭ Костр. обл. 2022]. Диалогичность поминальных стихов отмечают многие исследователи [Твердохлеб 2017, 175; Королёва, Тихонова 2024, 148].

Таким образом, обязательные духовные стихи оказываются существенной частью ритуальной коммуникации, диалога умершего и живых, который служит основой драматургии похоронно-поминальных обрядов [Седакова 2004, 100]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что и содержание, и композиция обязательных поминальных стихов, и их функция в обряде отражают архаические представления, связанные с культом предков.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ КАК ОБРЯДОВЫЕ ТЕКСТЫ

Обрядовые особенности обязательных поминальных стихов указывают на то, что эти стихи по сути являются обрядовыми песнями. Они, как и другие обрядовые песни, отличаются драматургической сущностью [Круглов 1989, 12–13] и обязательным исполнением в обряде [Чистов 1984, 12].

Круглов выделяет у обрядовых песен ряд функций, в частности *ритуальную, заклинательную, лирическую* и др., и относит первые два вида песен к собственно обрядовым, отмечая менее обязательный характер третьего вида — лирических песен, входящих в обряд [Круглов 1989, 13, 19]. Последнее стало причиной дискуссионного статуса этих песен, не все исследователи считают их обрядовыми [Земцовский 1970, 10, 33; Чистов 1984, 12]. Тем не менее все названные типы песен коррелируют с разными типами поминальных стихов, имеющих те же функции в обряде.

Для **обязательных** стихов свойственна **функция ритуальных песен:** они рассказывают о происходящем в обряде, их задача — «сформировать» обряд или рассказать о том, что он совершен [Круглов 1989, 13, 19, 27]: *«Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня»*, *«Здесь духовная беседа пришли душу навестить»* и др. Поминальные стихи (например, последний) могут рассказывать и о том, что происходит с душой умершего на том свете, поскольку это тоже часть содержания погребально-поминальной обрядности, которая направлена на обеспечение благополучного перехода человека в иной мир [Седакова 2004, 31–32].

Среди поминальных стихов есть и такие, которые справедливо будет соотнести с **заклинательными обрядовыми песнями** [Круглов 1989, 35–50], поскольку и те и другие обращены к сущностям трансцедентальной/трансцедентной природы и содержат обращение и просьбу, которую адресат может исполнить[8]. Стихи такого типа можно условно назвать **стихами-молитвами** (ср. этот термин: [Храмова 2012]): они адресованы ангелу-хранителю, Богородице (*«К тебе, о Дева Пресвятая»* и др.), к святым *(«Прошу тебя, угодник Божий»*, «*Ой святая ты Варвара»)*[9].

Примечательно, что выбор святых, к которым обращаются в поминальных стихах, видимо, не случаен: Богородица

[8] Отметим, что природа заклинания и молитвы, разумеется, различны, так же как природа магии и христианской религии. Однако обрядово-религиозные формы схожи. Помимо этого, в советской науке, в том числе в работах Ю. К. Круглова, обрядовые тексты, содержащие обращения к святым, Богородице, Богу, относили к заклинательным наряду с текстами, адресованными мифологическим персонажам.

[9] Однако речь идет о духовных стихах, содержание которых составляет просьбы, обращения к святым, а не о народных молитвах. О различии стихов и молитв в традиции коми см.: [Королёва, Четина, Роготнев 2013; Жуланова 2023].

мыслится как помощница, заступница (ср. любимый во многих регионах и входящий во многие рукописные сборники Костромского Заволжья тропарь Казанской иконе Божией Матери «*Заступница усердная*»), помощниками на суде Божием видятся святитель Николай, ангел-хранитель, архангел Михаил (ср.: в стихе на 40-й день «*Здесь духовная беседа пришла душу навестить*» говорится о том, что святитель Николай сопровождает душу к Богу). В Костромском Заволжье распространен также стих о великомученице Варваре, которая в православной традиции считается «защитницей от внезапной и насильственной смерти без покаяния» [Тоболова 2025].

Стихи-молитвы (прежде всего обращенные к Богородице, ангелу-хранителю) могут входить в народные варианты панихиды или исполняться в конце трапезы. Они связаны не столько с конкретным обрядом, сколько с ситуацией коллективной молитвы, с обращением провожающих к Богу.

В Костромском Заволжье некоторые такие стихи исполняются в конце панихиды/отпевания и носят обязательный характер. Так, в поминальной тетради, которой пользуются во время погребальной или поминальной молитвы жители д. Большие Рымы Макарьевского района, канон за единоумершего и лития продолжаются рядом церковных песнопений, обращенных к Богоматери и святителю Николаю (*«Богородице, Ты еси лоза истинная»; «Богородице Дево, радуйся»; «О Всепетая Мати»*; Тропарь Казанской иконе, тропарь свт. Николаю), перемежаемых припевом «*Пресвятая Богородице, спаси нас*»). Далее поется или читается стих «*Миру заступница, Мати Всепетая*». Затем следует отпуст, тропарь «*Спаси, Господи, люди твоя*» и тропарь Георгию Победоносцу с припевом «*Пресвятая Богородице, спаси нас*».

Такое последование не соответствует православной церковной традиции, представляет собой ее фольклорное освоение, впрочем, опирающееся на подражание церковной традиции (припев «Пресвятая Богородице, спаси нас» читается или поется в составе канонов). Как мы видим, обращение к Богородице занимает в завершении панихиды ключевое место. Обязательно исполняется и адресованный Ей духовный стих. Обращение к св. Георгию Победоносцу, вероятно, тоже не случайно и связано с семантикой победы над злом и смертью, которая есть в канонической православной панихиде и проникает в народную панихиду (так, в д. Большие Рымы и д. Юрово Макарьевского райна, в с. Чернышево Кадыйского района в состав панихиды входит каноническое песнопение «*Воскресение Христово видевше*»).

В д. Лубяны Кадыйского района всякое молитвенное собрание, в том числе панихида, завершалась духовным стихом «*Царица небесная*», который выступает как обязательный стих, но не в собственно поминальной функции, а в функции молитвы. В с. Чернышево того же района панихида завершается стихом «*Слава Богу за всё*», который ныне исполняется в сельском храме в конце богослужения.

В то же время другие стихи-молитвы, а также «Сон Богородицы» в деревнях Костромского Заволжья, как и в других традициях, чаще всего выступают как приуроченные, выборочно читаются или поются в конце поминальной трапезы.

ПРИУРОЧЕННЫЕ (ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ) ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Эти стихи не обязательны для совершения обряда, каждый такой стих заменим, поющие выбирают их из репертуара. Они исполняются в самом конце трапезы.

В большинстве своем они не контекстуализуются или мало контекстуализируются, в их текстах мы не находим конкретного дейксиса. Их персонажи не соотносятся напрямую с участниками обряда, а ситуация или сюжет — с конкретной ситуацией; изложенное в стихе не может быть интерпретировано как происходящее в обряде. Таковы в практике Костромского Заволжья стихи «*Христос с учениками из храма выходит*», «Алексей

человек Божий», «Стих о великомученице Варваре», «Гора Афон» и др. Другие стихи — «Соловей», «*Незаметно жизнь проходит*», «*Жизнь унылая настала*», «*Не ропщи на суровую долю*», «*Не тоскуй ты, душа дорогая*» и др. — содержат речь от 1-го лица, предполагают сближение состояния лирического героя и умершего, его родных или соотносят сказанное с человеком и человеческой жизнью вообще, но не содержат прямой референции к конкретной обрядовой ситуации и ее участникам.

Функционально эти стихи соответствуют **лирическим песням** в обряде. Их назначение, как и у лирических песен, — «в выражении вполне определенного обрядового чувства, настроения. Песни, воспроизводя обрядовые ситуации, создавали необходимый обрядово-эмоциональный колорит» [Круглов 1989, 145]. Как и лирические песни, они дают выход переживаниям поминающих [Чистов 1984, 12]. При этом приуроченные к поминальному обряду стихи могут содержать «примерную», похожую в ролевом отношении ситуацию: изображать прощание с умершим, воспроизводить диалог умершего и живых. Так, в варианте стиха об Алексее человеке Божием, бытующем в поминальной обрядности Костромского Заволжья, в конце звучит прощальное письмо Алексея родным и в ответ ему — прощальные, покаянные речи отца, матери, супруги, в которых заметны мотивы причитаний.

В с. Юрово в конце поминального обеда исполнялся редкий стих «Разговор новопреставленного Иоанна», где изображается, как умирающий отец напутствует детей, прощается с ними. Такого же типа диалог мы видим в стихе «*Умоляла мать родная свое милое дитя*» и др.

РЕПЕРТУАР ПОМИНАЛЬНЫХ СТИХОВ В КОСТРОМСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ. ВАРИАНТЫ ТРАДИЦИИ

Мантуровский район

Особенностью традиции куста деревень вокруг с. Угоры (бывш. Халбуж) оказалось то, что здесь известны только приуроченные, не обязательные духовные стихи. Они исполняются в конце поминальной трапезы, за чаем. Основной репертуар составляют: стих про Алексея человека Божиего *(«Я родился в городе Риме»),* стих о Самарянке *(«Под тенью навеса на выступе гладком сидел у колодца Христос»),* «Келья» *(«Уж ты келья, моя келья, келья новая моя. А вокруг-то той кельи всё ночная тишина*»). Последний контаминирован со стихом, который известен как обязательный в Макарьевском и Мантуровском районах, — «*Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня*» (ср. о контаминациях в поминальных стихах [Королёва, Тихонова 2024, 147]). В случае смерти матери поются «мамины стихи», которых, по словам Антониды Николаевны Батмановой, 1941 г. р., из д. Хлябишино Мантуровского района, известно много. В частности, исполняется не зафиксированный в Макарьевском и Кадыйском районах стих: «*Милая мама, родная моя, чем могли мы обидеть тебя? В сырую глубоку могилу ты рано ушла навсегда*».

Интересно, что, несмотря на приуроченный характер, большинство этих стихов проявляют заметную связь с контекстом: стих «Келья» — благодаря метафорическому сближению кельи и гроба, а также средствам местоименного дейксиса (речь ведется от 1-го лица, что позволяет соотнести лирического героя с умершим) и за счет дальнейшей контаминации с обязательным, контекстуализированным стихом «*Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня*», стих об Алексее человеке Божием — за счет развитого прощального диалога героя и его родных; мамины стихи значительно контекстуализируются, поскольку обращены к умершей матери, так что и лирические герои, и адресат стиха явным образом соотносятся с конкретной семьей, погребающей мать.

Поминальные стихи здесь поют две жительницы д. Хлябишино, в том числе А. Н. Батманова, 1941 г. р., которые обычно «ходят по покойникам» в качестве певчих (термины «певчие», «читалка» здесь не за-

фиксированы, но распределение функций существует). Поминающие подпевают певчим, названные стихи мы находим в рукописных тетрадях других жительниц окрестных деревень: Марии Алексеевны Юдиной, 1935 г. р., д. Аносово, родом из д. Хлябишино Мантуровского района, Татьяны Михайловны Смирновой, 1940 г. р., д. Копцево (Угоры), родом из Межевского района, Елизаветы Николаевны Белковой, 1931 г. р., д. Аносово, родом из д. Бажино Мантуровского района.

В тетради Т. М. Смирновой зафиксирован стих «*Слава, слава в вышних Богу, дух мой, радостно воспой*», отмеченный в составе старообрядческого репертуара [Мурашова 2018, 383, № 335]. В живом бытовании он не встретился.

Современный репертуар поминальных стихов отличается от прежнего. Так, в тетради с панихидой, принадлежавшей Анне Васильевне Смирновой, около 1910 г. р., д. Ступино Мантуровского района, обнаруживается подборка приуроченных стихов, известных в других регионах, прежде всего в Нижегородской области, стихов [Бучилина 1999; Ветлужская сторона 2005; Храмова 2012], однако достаточно редких (кроме богородичного стиха) в Макарьевском и Кадыйском районах: «*Вот настанет день прекрасный, час тот страшный подойдет*», «*Господь с учениками из храма выходит*», «*Прошу тебя, угодник Божий, святой великий Николай*», «*К кому возопию, Владычице*».

Вероятнее всего, репертуар различался у разных поколений. Отметим, что исполнительница поминальных стихов А. Н. Батманова целенаправленно собирала и заучивала стихи в течение многих лет жизни, и современная традиция поминальных духовных стихов здесь определяется в большой мере ею, а также ее напарницей и подругой, вместе с которой они «ходят по покойникам». Их репертуар схож с современным репертуаром Макарьевского и Мантуровского районов, но более узок.

Макарьевский район

Репертуар и порядок исполнения поминальных стихов различаются в зависимости от деревни, но везде выделяются стихи обязательные, которые закреплены за конкретным днем, и приуроченные, факультативные.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СТИХИ

Наиболее отчетливо регламентирован порядок и репертуар стихов в деревнях Юрово и Большие Рымы. Эти деревни находятся на границе Макарьевского района Костромской области и Ковернинского районов Нижегородской области. Фольклорная и религиозная традиции здесь испытали заметное старообрядческое влияние [Кувшинская, Харитонова 2023; Кучко, Сурикова 2024].

Обязательные стихи распределены по поминальным дням.

В день погребения исполняется стих «*Для всех солнце светит, для меня уж нет*» с припевом «Святый Боже», в д. Юрово он поется в конце панихиды (в поминальной тетради В. П. Виноградовой [ФА НИУ ВШЭ, № 14928, 37]) стих записан перед отпустом.

На 9-й день исполняется стих «*Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня*».

На 40-й день принят стих «*Здесь духовная беседа пришла душу навестить*».

На годину жительницей д. Большие Рымы Верой Николаевной Кругловой, 1948 г. р., сочинен и поется в обеих деревнях специальный стих «*Вот уж год как расстались, как распрощались с тобой*». Отметим, что, в отличие от других обязательных стихов, этот стих поется не от лица умершего, а от лица провожающих. Он не получил распространения в районе, в то время как другие стихи известны по Макарьевскому и Кадыйскому районам.

В случае похорон матери поются мамины стихи: «Спи, наша милая мама», «Минута горькая настала, мама, милая, прости». Существует стих, исполняемый на могиле матери в поминальные дни: «*Мама, дорогая, я к тебе пришла*».

В д. Большие Рымы последовательность исполнения поминальных текстов зафиксирована в поминальной тетради, хранящейся у старшей женщины, которая отвечает за поминальные деревенские

молитвенные собрания, и переписанной у прежней главы молельных женщин, В. А. Цветковой.

Согласно тетради, канон за единоумершего и лития продолжаются рядом церковных богородичных и иных песнопений («*Богородице, Ты еси лоза истинная*»; «*Богородице Дево, радуйся*»; «*О Всепетая Мати*»; Тропарь Казанской иконе, тропарь свт. Николаю), каждое из которых завершается (как уже говорилось) припевом «*Пресвятая Богородице, спаси нас*». Далее поется или читается стих «*Миру Заступница, Мати Всепетая*». Затем следует отпуст, тропарь «*Спаси, Господи, люди твоя*» и тропарь Георгию Победоносцу с припевом «*Пресвятая Богородице, спаси нас*». Таким образом, в панихиду входит стих, обращенный к Пресвятой Богородице.

Стих «*Для всех солнце светит, для меня уж нет*» с припевом «*Святый Боже*» не включен в панихиду, а, как и три других указанных в тетради обязательных стиха (на 9-й и 40-й день, а также «мамин стих» «*Спи, наша милая мама*»), записан после панихиды и, по словам информантов, исполняется уже за столом. В завершении трапезы в день погребения и на 9-й день поется стих «*Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня*», который здесь начинается со второй строфы: «*Уж вы братья мои сестры, помолитесь обо мне*». Этот стих, возможно, понимается как завершающий трапезу: в видеозаписи поминок 40-го дня, сделанной А. Д. Цветковой в 2006 г., и описанных в [Цветкова 2008, 46], стих звучит в конце застолья.

Особенностью поминальной традиции п. Горчуха оказался обязательный духовный стих «*Ой вы сестры мои, не забудьте меня. На молитве святой помяните меня*», который исполняется «за кисель» (т. е. после того, как подадут кисель) в день погребения[10] и в поминальные дни, по словам Анны Федоровны Кирюшиной, 1934 г. р., из п. Горчуха Макарьевского района. В это время в Мантуровском и Макарьевском районах принято кратко еще раз молиться об умершем. Этот стих не отмечен в публикациях по Поволжью и в [Мурашова 2018], однако известен в южных регионах России: в Липецкой области, Краснодарском крае — в варианте «*Братья-сестры мои, не забудьте меня*» [Духовные стихи в погребальном обряде станицы Попутной 1996; Околелова, Силкина 2016].

Отметим, что п. Горчуха отличается смешанным составом населения. Сюда, в леспромхоз, на сплав леса съезжались на работу из разных регионов России. Вероятно, стих попал сюда благодаря приезжим.

В поминальные дни (за исключением дня погребения) обязательно поются «*Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня*», «*Здесь духовная беседа пришла душу посетить*» (сейчас исполняется не только на 40-й, но и на 9-й день, что говорит о разрушении традиции).

В Макарьевском районе широко распространены и **приуроченные, необязательные стихи.** В с. Юрово они упорядочены: работниками сельской администрации на основе тетрадных записей была распечатана подборка поминальных стихов (22 приуроченных и обязательные стихи на 9-й, 40-й день и годину), которая теперь есть у каждой «молельной женщины», принимавшей или ныне принимающей участие в молитве по умершим:

«Умоляла мать родная»

Разговор новопрест. Иоанна

«Жизни светлая дорога»

Стих св. Варваре

«Спаси, владычице святую Русь»

Стихи Николаю Угоднику *(«Премудрый и строгий учитель», «Прошу тебя, угодник Божий»)*

«Вот скоро настанет мой праздник»

[10] По свидетельствам информантов, прежде всего Т. А. Флягиной, поминальные стихи теперь не поют в день похорон, потому что поминки проводят в столовых, но поют на домашних поминках на 9-й и 40-й день.

Стих о матери *(«Спи, наша милая мама, в глубокой могиле сырой»)*

Священный звон *(«Звон священный, звон отрадный, Не льются звуки к небесам, не слышно слова благодати, глаза наполнились слезам»)*

Соловей

Алексей Божий человек

«Ты моя мати, Царица Небесная»

«К тебе, о Дева Пресвятая, пришла я грешная…»

«Будет нам, рабам Божиим, преставление, сырой земли обновление»

Гора Афон

Самарянка

Вечерний звон

Час смерти *(«Скоро, скоро день прискорбный и час смерти подойдет»)*

«Все со временем промчится»

«В мире я жила, грешила»

В подборке есть пересечения с репертуаром Мантуровского района: стихи «Алексей человек Божий», «Самарянка». В настоящее время некоторые стихи не поются, а читаются, в частности, стих «Разговор новопреставленного Иоанна».

В других деревнях Макарьевского района — с. Нежитино, д. Овсянниково, п. Горчуха, д. Андреевское — мы находим более широкий и неупорядоченный репертуар, однако только в п. Горчуха можно говорить о живой традиции, репертуар других деревень известен по тетрадям. Здесь распространены младшие, поздние силлабо-тонические стихи: *«Обольемся слезами, вот распростертый пред нами»*, *«Минута за минутою проходит жизни путь»*, *«Что ждет тебя, мой друг, за гробом»*, *«С другом я вчера сидел»*, стихи святителю Николаю (*«Премудрый и строгий учитель»*, *«Прошу тебя, угодник Божий»* и др.), *«Прощайте, братья мои сестры, родные близкие, друзья»*, *«Когда умру, сама не знаю»*, *«Скоро, скоро день прискорбный»* и др.

Кадыйский район

Практика исполнения поминальных стихов сохраняется в с. Чернышево и д. Паньково и их окрестностях, но прекратилась в с. Завражье, д. Борисоглебское, Лубяны, с. Столпино. Немногочисленные носители традиции в силу возраста не всегда могут точно указать время и место исполнения стиха. Там, где традиция сохраняется, выделяются **обязательные поминальные стихи,** которые преимущественно связаны с местом по отношению к трапезе, и лишь стих *«Здесь духовная беседа пришла душу посетить»* закреплен за конкретным (40-м) днем.

Так, стих *«За трапезу певчие сели»* (с. Чернышево) или его вариант *«За трапезу гости сели»* (тетрадь М. М. Кляцкой) исполняется перед поминальной трапезой[11] (ср. [Храмова 2012; Королёва, Тихонова 2024]), а стих *«Вот спасибо вам, родные»* — по ее окончании, после обеда (по словам Галины Федоровны Баухиной, 1937 г. р., из с. Чернышево Кадыйского района). Примечательно, что в одной из тетрадей Елены Крестьяниновой, около 1960 г. р., из с. Завражье у этого стиха исходный заголовок «на 9 день», который затем зачеркнут и сверху исправлен на «после обеда».

Что касается повсеместно распространенного стиха *«Для всех солнце светит»* с припевом *«Святый Боже»*, то в деревнях, где традиция еще бытует, он ассоциирован с панихидой, исполняется в ее начале (по словам Г. Ф. Баухиной) или в конце (согласно свидетельству Надежды Алексеевны Голубевой, д. Паньково Кадыйского района) в варианте, где вышеназванному инципиту предшествует строфа: *«Думаю о смерти, неизбежный путь, Я живу на свете, временно я тут»*. В то же время сейчас этот стих чаще исполняется за поминальным столом после трапезы[12]: «<Соб.: А вот этот стих, который вы сейчас пели, его когда поют?> *Когда поедим и вот…* < Соб.:

[11] Впрочем, по словам информантки (БГФ), может исполняться и в конце.

[12] Вероятно, одни и те же стихи могли петь несколько раз: в конце панихиды, при выносе гроба в день погребения и за столом. Ср. повторное исполнение стихов в вологодской традиции [Кулев, Балакшина 2000, 63].

Во время чая или до чая?> *Ну еще вот когда панихида начинается. Вот раньше вот такая панихида была. Сейчас и панихида-то не такая*» (Зап. от Г. Ф. Баухиной). Свидетельств о закрепленности стиха за днем погребения здесь не было. В тетради из Завражья, принадлежавшей матери М. М. Кляцкой, стих отнесен к 9-му дню.

Очевидно, эти стихи ранее были приурочены к определенным поминальным дням, однако со временем утратили закрепленность и распределились вокруг поминальной трапезы. При этом наблюдается тенденция к исполнению стихов, прежде начинавших трапезу, в ее конце, вместе с приуроченными стихами.

Отметим также, что в конце панихиды приняты стихи-молитвы, обращенные к Богородице, Господу, святым. Так, в с. Лубяны всякая общая молитва, в том числе панихида, завершалась стихом «*Царица небесная*». В тетради Г. Ф. Баухиной из с. Чернышево панихида завершается тропарем Казанской иконе Божией Матери и церковным песнопением «*Воскресение Христово видевше*», после которого следует популярный здесь стих «*Слава Богу за всё*».

Репертуар **приуроченных стихов** здесь значительно совпадает с Макарьевским районом, но еще более разнообразен. Особенностью репертуара Кадыйского района оказался стих «*Дом на небе строится во стране родной, сердце туда просится, чтоб найти покой*», зафиксированный в деревнях Борисоглебское и Паньково.

Большинство стихов относятся к младшим, поздним, силлабо-тоническим: «*Не откладывай до завтра ни молитв, ни добрых дел*», «*Не тоскуй ты, душа дорогая*», «*Не унывай страдалец, много, считай земное все за тень*», «*Чу уныло завывает томный звон колоколов*», «*С другом я вчера сидел — ныне смерти зрю предел*» (входит в тетрадь с заупокойным акафистом). В с. Рубцово, где после закрытия Боголюбского монастыря тайно жили монахини — бывшие насельницы, в рукописных тетрадях обнаружен стих тонического сложения: «*Красно солнышко закатается, смертенька приближается*».

Наиболее популярные в этом регионе стихи, которые встречаются практически в каждой тетради, как правило, между обязательными: «*Вот скоро настанет мой праздник*», «*Когда умру, сама не знаю*». Вероятно, эти стихи могли контекстуализироваться и восприниматься как обязательные в обряде, однако устных свидетельств об этом нет.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ В с. ЗАВРАЖЬЕ КАДЫЙСКОГО РАЙОНА

В Кадыйском районе многие информанты отмечали, что читают дома стихи по тетрадям своих матерей вне ситуации молитвы, для себя (М. М. Кляцкая, А. Г. Кузьмина и др.) (ср.: [Фадеева 2004, 370] о стихах как духовном чтении). В результате угасания поминальной традиции в с. Завражье сложилась практика чтения родственниками умершего в течение 40 дней подборки поминальных стихов и других текстов, которые записаны в специальной тетради, хранящейся в деревне у Е. Крестьяниновой, дочери составительницы, и предоставляемой по запросу.

Примечательно, что параллельно в селе существует практика чтения Псалтири по умершему, однако этим обычно занимается кто-то из богомольных женщин по просьбе родных покойного. Такое чтение понимается как каноническая молитва об умершем, освящение его ухода. Чтение же поминальных стихов совершается самими родственниками и выполняет собственно обрядовую функцию: проводы души, поддержание связи с нею, прослеживание ее ухода из этого мира и перехода в мир иной [Байбурин 1993; Седакова 2004][13].

Состав тетради:

[13] О взаимозаменимости чтения Псалтири и поминальных стихов в смоленской традиции см.: [Панова, Теплова 2020, 5].

Оберег «Сон Богородицы» *(«Шла матушка Владычице из Иерусалима, шла приуснула»)*

Стих «Ныне отпущаеши» *(«Ныне с миром отпускаешь ты меня из жизни сей»)*

Стих «*Вы теперь меня простите, час разлуки мне настал*»

Стих «40-й денек» *(«В сороковой денек помяните, это полезно будет для меня»)*[14]

«Стих на 40-й после обеда» *(«Здесь духовная беседа пришла душу навестить»)*

«Стих после обеда» *(«Вот спасибо вам, родные»)*

Стих «Дорогой любимой маме от детей» *(«Минута горькая настала»)*

Стих «Земная жизнь» *(«Минута за минутою проходит жизни путь»)*

«Стих во время скорби» *(«Когда душа твоя тоскует, надежды гаснут как огни»)*

«Стих» *(«Жизнь унылая настала, лучше братья помереть»)*

«Стих» *(«Не ропщи на суровую долю»)*

«Стих» *(«Не тоскуй ты, душа дорогая»)*

Стих (*«Крест хранитель всей вселенней»*: канонический экзапостиларий, контаминированный с оберегом).

«Стих» *(«Пресветлый ангел мой хранитель, хранитель ты души моей»)*

«Стих» *(«За трапезу гости сели, их Господь благословил»)*

Каноническая молитва перед трапезой

«Стих после обеда» (Каноническая молитва после трапезы и молитва за упокой *(«Упокой, Господи, душу усопшего новопреставленного. раба Твоего»)*.

Стих *(«Будь милостив к рабе Твоей, храни меня во все минуты»)*

«Стих» *(«Мира Заступнице, Мати всепетая»)*

«Странник» *(«Ты куда идешь, скажи мне, странник с посохом в руке»)*

«Стих» (*«Под тенью навеса на выступе гладком»* (стих о Самарянке))

Оберег в дорогу (*«Господи, спаси, благослови и награди своей силой небесной от змей, от зверей, от лихих людей…»)*

Каноническая церковная молитва (*«Царица моя преблагая»)*

«Стих» (*«На всех солнце светит, на меня уж нет»*, с Трисвятым)

«Стих» *(«На мрачной горе у подножья креста Пречистая матерь стояла»)*

«Стих о госте» *(«Проходят по городу вести»*)

Стих о св. Варваре (*«О, святая ты Варвара, ты страдала от отца»*)

Состав тетради отражает, очевидно, традицию поминовения, которое строится вокруг трапезы и соотносится с канонической церковной практикой; поэтому помимо поминальных стихов здесь содержатся канонические молитвы до и после трапезы, а также заупокойная молитва. Заметное место здесь также занимают богородичные тексты (Сон Богородицы, песнопение «*Царица моя преблагая*») и обереги в дорогу. Что касается оберегов, то они входят в состав большинства поминальных тетрадей Костромского Заволжья и призваны, очевидно, защитить живых от умерших и от смерти[15].

[14] Этот стих не встречается в других сборниках Кадыйского района, а также в Макарьевском и Мантуровском районах.

[15] Ср.: в южной части Костромского Поволжья обереги читались при погребении, например, удавленника, чтобы тот не ходил к живым (Зап. от Екатерины Яковлевны Смирновой, 1901 г. р., д. Гришино Юрьевецкого р-на Ивановской обл. Соб. Саламатина, Козлова, Кудрина, Кубарева, Липатова. 1977 г.) [ФА ИвГУ, К 17 т. 3. Книга 73. С. 155–163].

ОСОБЕННОСТИ РЕПЕРТУАРА ПОМИНАЛЬНЫХ СТИХОВ КОСТРОМСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Несмотря на обширный репертуар, в обследованных деревнях не обнаружены некоторые стихи, которые можно было бы ожидать в этом регионе, поскольку они известны в соседних Нижегородской, Кировской, Владимирской областях:

«*Ох вы голуби сизые*» (ср.: [Бучилина 1999; Фадеева 2004; 2008; Храмова 2012; Воронцова 2015 и др.]);

«*Поминайте, братья-сестры, поминайте каждый раз*» ([Бучилина 1999, № 183; Фадеева 2004, № 719; Баранова 2018, 330–331 и др.]).

В то же время здесь бытуют редкие стихи, не зафиксированные в публикациях по Нижегородской, Саратовской, Владимирской и Вологодской областях, на Южном Урале.

Обязательные:

«*Братья, сестры мои, не забудьте меня, на молитве святой помяните меня*». Как уже говорилось, стих известен в Краснодарском крае, Липецкой области.

Приуроченные:

«*Дом на небе строится*» (бытует в Кадыйском районе: д. Борисоглебское, с. Чернышево);

«Разговор новопреставленного Иоанна» (бытует в с. Юрово Макарьевского района);

«*Милая мама, родная моя, чем могли мы обидеть тебя*» (принято в д. Хлябишино, д. Угоры Мантуровского района);

«*Терпи, мой друг, в твоих страданьях, я знаю, много есть скорбей*»;

«*Жизни светлая дорога вьется лентой пред тобой*»;

«*Ходит смерть всегда за нами, где бы ни был человек*»;

«Священный звон» *(«Звон священный, звон отрадный, не льются звуки к небесам»)* (бытует в с. Юрово Макарьевского района).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция исполнения духовных стихов в похоронно-поминальной обрядности Костромского Заволжья неоднородна в разных районах и кустах деревень. Скорее всего, ее источники различны. Известно, что стихи широко бытовали в среде верующих, живших вокруг разоренных в советские годы Макарьевского (в г. Макарьеве) и Боголюбского монастырей (Кадыйский район), где, однако, практически не закрывались кладбищенские храмы. Жители Костромского Заволжья посещали храм г. Юрьевца Ивановской области и прилегающих деревень, где можно было переписать акафисты и другие тексты. Тетради из сел, имевших прямое водное сообщение с г. Юрьевцем (Нежитино, Борисоглебское, Завражье и др.), отличаются значительным разнообразием духовных стихов, в том числе поминальных (приуроченных).

Деревни Макарьевского района от п. Горчухи до д. Большие Рымы, д. Паньково Кадыйского района имели связи с Ковернинским и другими районами Нижегородчины, вплоть до г. Городца, жители посещали единоверческие монастыри (Успенский Высоковский и Белбажский) до их закрытия. В репертуаре этих мест сказывается старообрядческое влияние.

Различаются не только репертуар, но и обрядовые функции поминальных стихов: если в Макарьевском и Кадыйском районах есть как обязательные, так и приуроченные стихи, то в Мантуровском сохранилась лишь последняя функция, которой обладают и тексты, бытующие в других районах как обязательные.

В целом можно говорить о том, что традиция находится в процессе трансформации. Собственно обрядовые, обязательные поминальные стихи, видимо, завершавшие народную панихиду и оформлявшие поминальную трапезу, с течением времени переносятся на конец обеда, после чая, исполняются как приуроченные стихи. Напротив, некоторые стихи-молитвы, особенно богородичные, сохраняются в конце панихиды. В дальнейшем и обязательные, и приуроченные

стихи могут утрачивать связь с трапезой и служить индивидуальным поминальным чтением. В практике конкретных деревень мы видим ту или иную стадию этого процесса.

Традиция поминальных духовных стихов Костромского Заволжья, к сожалению, угасает, но тем не менее представляет большой интерес для исследователей традиционной культуры.

Источники и материалы

Бучилина 1999 — *Бучилина Е. А.* Духовные стихи. Канты: Сб. духовных стихов Нижегородской области. М., 1999.

Ветлужская сторона 2005 — Ветлужская сторона. Вып. VI: Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области / Сост. А. В. Кулагина, В. А. Ковпик; Под ред. А. В. Кулагиной; Нотировка песен Т. В. Кирюшиной. М.: Варнавино: Вектор ТиС, Московия, 2005.

Духовные стихи станицы Попутной 1996 — Духовные стихи в погребальном обряде станицы Попутной Отрадненского района Краснодарского края (полевое исследование 1996 г.) // Сайт Кубанского казачьего хора. URL: https://kkx.ru/scince/dukhovnye_stikhi_v_pogrebalnom_obryade_stanitsy_poputnoy_otradnenskogo_rayona_krasnodarskogo_kraya/ (дата обращения: 12.05.2026).

Кулагина, Лаврентьева 2012 — *Кулагина А. В., Лаврентьева А. П.* Баллады и духовные стихи // Чухломской фольклор. Фольклорно-этнографические материалы / Под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. Т. 1. М., 2012. С. 175–183.

Кулев, Балакшина 2000 — Праздники и обряды Череповецкого района. Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда, 2000.

Панихиды и отпевания 1997 — Панихиды и отпевания. Обиходные песнопения / Сост. и ред. Е. Кустовский. М., 1997.

Поминальный духовный стих 2016 — (Братья-сестры мои): Поминальный духовный стих в исполнении Околеловой Екатерины Филипповны, 1939 г. р., и Силкиной Валентины Михайловны, 1932 г. р. Записано 31.01.2016 г. в с. Товаро-Никольское Липецкого района Липецкой области экспедицией в составе Аньшиной Е. В. и Юрьева В. А. URL: https://rutube.ru/video/22c0695a5f6c9bce8630b48fa9f8f4a4/ (дата обращения: 12.05.2026).

Пыщугский краеведческий музей — Краеведческие материалы и статьи // Пыщугский краеведческий музей. URL: https://museipyschug.esgms.ru/documents (дата обращения: 12.05.2026).

Смирнова 1920 — *Смирнов В.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костр. науч. об-ва по изучению местного края: Второй этногр. сб. Вып. XV. Кострома: Тип. «Северный рабочий», 1920.

Тоболова 2025 — *Тоболова М.* Святая великомученица Варвара // Православие.ру. Православный портал. 17 декабря 2025 г. URL: https://pravoslavie.ru/174560.html (дата обращения: 12.05.2026).

Фадеева 2004 — Религиозные стихи / [Сост. Л. В. Фадеева] // Традиционная культура Гороховецкого края: В 2 т. Т. 2 / [Сост. А. Н. Иванов, А. С. Каргин]. М., 2004. С. 369–440, 575–583.

Фадеева 2008 — *Фадеева Л. В.* Религиозная поэзия // Традиционная культура Муромского края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: В 2 т. Т. 1 / Авт. проекта и сост. А. С. Каргин. М., 2008.

ФА НИУ ВШЭ — Фольклорный архив НИУ ВШЭ. URL: https://www.folklore-archive.ru/ (дата обращения: 12.05.2026).

ФА ИвГУ — Фольклорный архив Ивановского государственного университета.

Храмова 2012 — «Только в Боге успокаивается душа моя»: Народная религиозная поэзия Нижегородского края / Сост., коммент., вступ. ст. Н. Б. Храмовой; Под общ. ред. К. Е. Кореповой. Н. Новгород: Растр-НН, 2012.

Цветкова 2008 — *Цветкова А. Д.* Причитания Макарьевского края // Живая старина. 2008. № 2. С. 44–47.

Энциклопедия Костромского фольклора — Энциклопедия Костромского фольклора. URL: https://фольклор44.рф/ (дата обращения: 12.05.2026).

Исследования

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Баранова 2018 — *Баранова О. Г.* Погребальная обрядность // Русские Южного Урала. Традиционная культура XIX–XX веков. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2018. С. 305–348.

Бахтина 1997 — *Бахтина В. А.* Место духовного стиха в системе жанров славянского фольклора // Славянская традиционная куль-

тура и современный мир. Вып. 2. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 21–27.

Воронцова 2015 — *Воронцова Е. В.* Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. … канд. филос. наук. М., 2015.

Данченкова 2003 — *Данченкова Н. Ю.* Деревенский обычай «ходить по покойнику»: Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры: Образы. Обычаи. Художественная практика / Отв. ред. Н. Ю. Данченкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. С. 173–221.

Жуланова 2023 — *Жуланова Н. И.* Духовные стихи и молитвы в народной культуре коми-пермяков // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева, Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 215–249.

Земцовский 1970 — *Земцовский И. И.* Песенная поэзия русских земледельческих праздников // Поэзия крестьянских праздников / Сост., подгот. текста и вступ. ст. И. И. Земцовского; Под общ. ред. В. Г. Базанова. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1970. С. 5–50.

Исмагилова 2021 — *Исмагилова Е. И.* Православные песнопения в фольклорных традициях сибирского бытования / Отв. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, 2021.

Королёва, Четина, Роготнев 2013 — *Королёва С. Ю., Четина Е. М., Роготнев И. Ю.* Народные поминальные молитвы из Коми-Пермяцкого округа // Живая старина. 2013. № 1. С. 53–56.

Королёва, Тихонова 2024 — *Королёва С. Ю., Тихонова М. А.* Духовные стихи в рукописных поминальных тетрадях (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья) // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 128–162.

Круглов 1989 — *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Кувшинская, Харитонова 2023 — *Кувшинская Ю. М., Харитонова В. А.* Особенности народной обрядовой и рукописной традиции деревень Б. Рымы и Юрово в контексте старообрядческого соседства // III Всерос. науч. конф. «Чагинские чтения» (Пермь, 10–11 ноября 2023 г.).

Кучко, Сурикова 2024 — *Кучко В. С., Сурикова О. Д.* Институт бабчества в одном Костромском ареале: проблема генеза и современное состояние // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 16–23.

Левкиевская 2015 — *Левкиевская Е. Е.* «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / Сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина; Отв. ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2015.

Левкиевская 2018 — *Левкиевская Е. Е.* «Отпевальные» тетради украинцев Самойловского района: жанровый состав и пути формирования // Живая старина. 2018. № 1 (97). С. 21–25.

Мурашова 2015 — *Мурашова Н. С.* Принципы систематизации духовных стихов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 3 (43). С. 69–76.

Мурашова 2018 — *Мурашова Н. С.* Старообрядческий духовный стих в контексте культурно-исторической эволюции внебогослужебного духовного пения. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019.

Панова, Теплова 2020 — *Панова Е. А., Теплова И. Б.* Духовные, поминальные стихи и религиозные песни в народной традиции Кардымовского района Смоленской области. СПб.; Саратов: Амирит, 2020.

Рожкова 2012 — *Рожкова Т. И.* «Душа с телом расставалася…»: Духовные стихи в традиции горнозаводских сел Южного Урала // Русский міръ. Пространство и время русской культуры. 2012. № 7. С. 379–409.

Сверлова 2006 — *Сверлова Е. Л.* Погребальные духовные стихи Саратовского Поволжья как открытая полистилевая жанровая система: Автореф. дис. … канд. искусствоведения / Сарат. гос. консерватория им. Л. В. Собинова. Саратов, 2006.

Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

Твердохлеб 2017 — *Твердохлеб Н. В.* Драматургия погребального обряда и духовные стихи с. Корнеевка Краснопартизанского района и с. Свердлово Калининского района Саратовской области // Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская и др. М., 2017. С. 160–178.

Чистов 1984 — *Чистов К. В.* Русская народная обрядовая поэзия // Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия / Вступ. ст. и подгот. текста К. В. Чистова. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 5–24.

Du Bois 1986 — *Du Bois J. W.* Self-Evidence and Ritual Speech // Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 313–336.

Goffman 1981 — *Goffman E.* Footing // Forms of Talk. Philadelphia: Univ. Penn., 1981. P. 124–159.

Keane 2004 — *Keane W.* Language and Religion // Duranti A. (ed.). A Companion to Linguistic Anthropology. Malden, MA: Blackwell, 2004. P. 431–448.

© Ю. М. Кувшинская, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кувшинская Ю. М. https://orcid.org/0000-0001-6363-5175

Кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики, научный сотрудник Научно-учебной лаборатории теоретической и полевой фольклористики Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; тел.: +7 (495) 771-32-32; e-mail: ykuvshinskaya@hse.ru, kjuia4@yandex.ru

Funeral Religious Verse of the Kostroma Trans-Volga Region: Local Variants of the Tradition

Yulia M. Kuvshinskaya

(National Research University Higher School of Economics: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation)

Summary. *This article is devoted to funeral religious verse (dukhovnye stikhi) from the Kostroma Trans-Volga region, an extensive repertoire of which was identified during folklore expeditions conducted by the HSE University in the Manturovo, Makarev, and Kady districts of the Kostroma Region in 2021–2025. The research material includes informants' testimonies, video and audio recordings of verse performances, and data from handwritten religious collections still in use in the area. The study analyzes the repertoire and the contemporary practice of performing religious verse during funeral and memorial rites in the Kostroma Trans-Volga region in comparison with the traditions of neighboring regions, primarily the Nizhnii Novgorod, Vladimir, Saratov, Vologda Regions, as well as the Southern Urals, Komi-Permyak Okrug, Siberia, and other areas. The analysis is based on criteria for systematizing funeral verses described in the article, such as the place and function of the verse within the ritual and the linguistic properties of the texts that enable the performance of ritual functions. These features, along with the similarities between funeral religious verse and other ritual songs identified through comparative typological analysis, make it possible to distinguish types of funeral religious verses: obligatory (properly ritual) funeral verses, prayer-verses, and occasion-specific verses — and to characterize the presence of each type of verse in the districts examined. The author analyzes local variants of the tradition and identifies the features of the repertoire in specific villages and in the Kostroma Trans-Volga region as a whole. She also offers probable reasons for the differences in the repertoire of various villages and districts and traces some trends in the contemporary transformation of the tradition.*

Key words: *Funeral religious verse, funeral and memorial rites, handwritten religious collections, Trans-Volga Region, Folk religiosity.*

Recieved: May 14, 2026.

Date of publication: September 25, 2026.

For citation: Kuvshinskaya Yu. M. Funeral Religious Verse of the Kostroma Trans-Volga Region: Local Variants of the Tradition. *Traditional Culture.* 2026. Vol. 27. No. 3. Pp. 105–125. In Russian.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.3.008

References

Bakhtina V. A. (1997) Mesto dukhovnogo stikha v sisteme zhanrov slavyanskogo fol'klora [The Place of Spiritual Verse in the Genre System of Slavic Folklore]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyi mir [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Iss. 2. Moscow: GRTSRF. Pp. 21–27. In Russian.

Baranova O. G. (2018) Pogrebal'naya obryadnost' [Funeral Rites]. In: Russkie Yuzhnogo Urala. Traditsionnaya kul'tura XIX–XX vekov [The Russians of the Southern Urals: Traditional Culture of the Nineteenth–Twentieth Centuries]. St. Petersburg: IPTs SPGUTD. Pp. 305–348. In Russian.

Bayburin A. K. (1993) Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavyanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture: Structural-Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

Chistov K. V. (1984) Russkaya narodnaya obryadovaya poeziya [Russian Folk Ritual Poetry]. Russkaya narodnaya poeziya. Obryadovaya poeziya [Russian Folk Poetry: Ritual Poetry]. Intro. and ed. K. V. Chistov. Leningrad: Khud. Lit. Leningradskoe otdelenie. In Russian.

Danchenkova N. Yu. (2003) Derevenskii obychai «khodit' po pokoiniku»: Mirskaya pravoslavnaya traditsiya molenii ob umershikh (Vladimirskaya oblast') [The Village Custom of "Walking for the Deceased": The Lay Orthodox Tradition of Prayers for the Dead (Vladimir Region)]. In: Religioznyi opyt narodnoi kul'tury: Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaya praktika [The Religious Experience of Folk Culture: Images, Customs, Artistic Practice]. Moscow: Gos. in-t iskusstvoznaniya. Pp. 173–221. In Russian.

Du Bois J. W. (1986) Self-Evidence and Ritual Speech. In: Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Ed. by Chafe W., Nichols J. Norwood, NJ: Ablex. Pp. 313–336. In English.

Goffman E. (1981) Footing. In Forms of Talk. Philadelphia: Univ. Penn. Pp. 124–159. In English.

Ismagilova E. I. (2021) Pravoslavnye pesnopeniya v fol'klornykh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya [Orthodox Chants in the Folklore Traditions of Siberian Existence]. Ed. by N. V. Leonova. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Keane W. (2004) Language and Religion. In: A Companion to Linguistic Anthropology. Ed. by Duranti A. Malden, MA: Blackwell. P. 431. In English.

Korolyova S. Yu., Chetina E. M., Rogotnev I. Yu. (2013) Narodnye pominal'nye molitvy iz komi-permyatskogo okruga [Folk Memorial Prayers from the Komi-Permyak District]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2013. No. 1. Pp. 53–56. In Russian.

Korolyova S. Yu., Tikhonova M. A. (2024) Dukhovnye stikhi v rukopisnykh pominal'nykh tetradyakh (traditsiya russko-komi-permyatskogo pogranich'ya) [Spiritual Verses in Manuscript Memorial Notebooks (The Tradition of the Russian-Komi-Permyak Borderland)]. *Shagi* [Steps]. 2024. Vol. 10. No. 3. Pp. 128–162. In Russian.

Kruglov Yu. G. (1989) Russkie obryadovye pesni: Ucheb. posobie dlya ped. in-tov po spets. «Rus. yaz. i lit.» [Russian Ritual Songs: A Textbook for Pedagogical Institutes, Specialization "Russian Language and Literature"]. Moscow. In Russian.

Kuchko V. S., Surikova O. D. (2024) Institut babchestva v odnom Kostromskom areale: problema geneza i sovremennoe sostoyanie [The Institution of "Babchestvo" in a Kostroma Area: The Problem of Genesis and Current State]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. 2024. No. 2 (83). Pp. 16–23. In Russian.

Kuvshinskaya Yu. M., Kharitonova V. A. (2023) Osobennosti narodnoi obryadovoi i rukopisnoi traditsii dereven' B. Rymy i Yurovo v kontekste staroobryadcheskogo sosedstva [Peculiarities of Folk Ritual and Manuscript Tradition in the Villages of B. Rymy and Yurovo in the Context of Neighborhood with Old Believers]. In: III Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya «Chaginskie chteniya» [3rd All-Russian Scholarly Conference "Chagin Readings"]. Perm'. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2015) «Narodnoe otpevanie» v Samoilovskom raione Saratovskoi oblasti ["Folk Funeral Chant" in the Samoylovskii District of Saratov Region]. In: Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture [Memento Mori: Funeral Traditions in Contemporary Culture]. Comp. by A. D. Sokolova, A. B. Yudkina. Ed. by D. V. Gromov. Moscow: IEHA RAN. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2018) «Otpeval'nye» tetradi ukraintsev Samoilovskogo raiona: zhanrovyi sostav i puti formirovaniya ["Funeral Chant" Notebooks of Ukrainians in Samoylovsky District, Saratov Region: Generic Make-up and Patterns of Development]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2018. No. 1 (97). Pp. 21–25. In Russian.

Murashova N. S. (2015) Printsipy sistematizatsii dukhovnykh stikhov [Principles of Systematizing Spiritual Verses]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. 2015. No. 3 (43). Pp. 69–76. In Russian.

Murashova N. S. (2018) Staroobryadcheskii dukhovnyi stikh v kontekste kul'turno-istoricheskoi evolyutsii vnebogosluzhebnogo dukhovnogo peniya [Old Believer Spiritual Verse in the Context of the Cultural-Historical Evolution of Non-Liturgical Spiritual Singing]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU. In Russian.

Panova E. A., Teplova I. B. (2020) Dukhovnye, pominal'nye stikhi i religioznye pesni v narodnoi traditsii Kardymovskogo raiona Smolenskoi oblasti [Spiritual, Memorial Verse and Religious Songs in the Folk Tradition of the Kardymovskii District, Smolensk Region]. St. Petersburg; Saratov: Amirit. In Russian.

Rozhkova T. I. (2012) «Dusha s telom rasstavalasya…» Dukhovnye stikhi v traditsii gornozavodskikh sel Yuzhnogo Urala ["The Soul Parted from the Body…" Spiritual Verse in the Tradition of Mining Villages of the Southern Urals]. *"Russkii mir". Prostranstvo i vremya russkoi kul'tury* [Russian World: Space and Time of Russian Culture]. 2012. No. 7. Pp. 379–409. In Russian.

Sedakova O. A. (2004) Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan [The Poetics of Ritual: Funeral Rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik. In Russian.

Sverlova E. L. (2006) Pogrebal'nye dukhovnye stikhi Saratovskogo Povolzh'ya kak otkrytaya polistilevaya zhanrovaya sistema [Funeral Spiritual Verse of the Saratov Volga Region as an Open Polystylistic Genre System]. Author's abstract of doctoral dissertation in Art History. Saratovskaya gos. konservatoriya im. L. V. Sobinova. Saratov. In Russian.

Tverdokhleb N. V. (2017) Dramaturgiya pogrebal'nogo obryada i dukhovnye stikhi s. Korneevka Krasnopartizanskogo raiona i s. Sverdlovo Kalininskogo raiona Saratovskoi oblasti. [The Dramaturgy of the Funeral Rite and Spiritual Verse from the Village of Korneevka, Krasnopartizanskii District, and the Village of Sverdlovo, Kalininskii District, Saratov Region]. In: Fol'klor Bol'shoi Volgi [Folklore of the Great Volga]. Coll. of scholarly articles. Comp. by V. E. Dobrovol'skaya et al. Moscow. Pp. 160–178. In Russian.

Vorontsova E. V. (2015) Sovremennoe bytovanie dukhovnykh stikhov v srede staroobryadtsev (po materialam polevykh issledovanii na Vyatke) [The Contemporary Existence of Spiritual Verse Among Old Believers (Based on Field Research in the Vyatka Region)]. PhD Dissertation. Moscow. In Russian.

Zemtsovskii I. I. (1970) Pesennaya poeziya russkikh zemledel'cheskikh prazdnikov [Song Poetry of Russian Agricultural Holidays]. In: Poeziya krest'yanskikh prazdnikov [Poetry of Peasant Festivals]. Ed. by V. G. Bazanov. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie. Pp. 5–50. In Russian.

Zhulanova N. I. (2023) Dukhovnye stikhi i molitvy v narodnoi kul'ture komi-permyakov [Spiritual Verse and Prayers in the Folk Culture of the Komi-Permyaks]. In: Narodnaya religioznost' v svete fol'klora [Folk Religiosity in the Light of Folklore]. Comp. and ed. by L. V. Fadeeva and Yu. M. Shevarenkova. Moscow: Gos. in-t iskusstvoznaniya. Pp. 215–249. In Russian.

© Yu. M. Kuvshinskaya, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Yulia M. Kuvshinskaya https://orcid.org/0000-0001-6363-5175
E-mail: ykuvshinskaya@hse.ru, kjuia4@yandex.ru
Tel.: +7 (495) 771-32-32
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation
PhD in Philology, Associate Professor, School of Linguistics; Research Fellow, Research and Educational Laboratory of Theoretical and Field Folklore Studies, National Research University Higher School of Economics

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)